

Николай Дмитриевич Праслов — больше полувека рядом

Воспоминания... Пока молод, не думаешь, что придет время и для воспоминаний. Есть удивительные люди, которые ведут дневники, не те, полевые, а о разном — в том числе и о друзьях. Я этого, к великому сожалению, не делал. И теперь память моя, как пламя на ветру, то яркая, а то совсем тусклая. Поэтому я могу ошибаться в годах и событиях.

Николай Дмитриевич Праслов, Коля, имел редкую возможность с юных лет изучать древнейшую историю своего родного села под названием Костенки, известного всем специалистам по палеолиту.

Я познакомился с ним в 1955 году. Я был тогда студентом истфака МГУ. На нашей кафедре археологии было создано научное студенческое общество. Как-то наша компания в составе Н. Бадера, Л. Кольцова, Е. Черных, П. Кожина, Л. Греховой, В. Башилова и меня решила — а не созывать ли, по примеру «взрослых» пленумов, свои, студенческие конференции? Так в 1955 году была созвана I студенческая археологическая конференция — всесоюзная, а третья была уже международная. И вот с докладом по палеолиту о какой-то из Костенковских стоянок выступил невысокого роста, но очень серьезный и основательный паренек. Это и был Коля Праслов, в моих архивах я нашел его фото тех времен — на нем он сидит слева, в зале истфака на Моховой (рис. 1).

После окончания университетов мы работали далеко друг от друга и встретились уже в ЛОИА АН СССР в начале шестидесятых. Виделись часто, ведь оба были в Отделе палеолита. Николай был трудягой и успевал, как тогда говорили, активно участвовать в общественной жизни. Он был сподвижником и последователем А. Н. Рогачева, известного исследователя палеолита, яростного защитника своих оригинальных идей. Это в большой степени определяло и пози-

цию и, наверное, характер Н. Праслова. Он быстро продвигался в науке, стал участвовать в многочисленных конференциях, вошел в комиссию по изучению четвертичного периода, ряд лет возглавлял Отдел (тогда Сектор) палеолита. Жизнь сектора была интересной. Тогда часто ездили на совместные экскурсии, например, на Валаам, гостили друг у друга, особенно когда приезжали такие ученые, как Г. Босински, О. Соффер, Х. Кимура. Встреча с гостеприимной семьей Николая всегда была праздником. Это нас сближало, как говорится, дружили семьями. Но у меня была другая археологическая вотчина — Енисей, а у него — Дон. И заботы, и интересы несколько разные.

Однако все бывали рядом и на всесоюзных пленумах, и, особенно, на международных симпозиумах. Особо запомнился американско-советский, по палеолиту, в июле 1989 года. Были осмотрены многие стоянки Восточной Европы, и конечно, знаменитые Костенки. Николай знал не только проблематику палеолита, но был и прекрасным геологом, на равных вступавшим в спор с профессионалами (рис. 2).

Пожалуй, больше всего времени я видел его во время симпозиума, организованного в Японии профессором Х. Кимура в 1993 году по теме «Происхождение и распространение микропластинчатой индустрии в Северной Евразии» (Саппоро). Тематика докладов была широка, но гораздо важнее, что мы смогли посмотреть много разных памятников — от Сиратаки (рис. 3) до одного из древнейших — Такаори (рис. 4).

Николай Дмитриевич в Японии увидел обожаемые им вулканические пеплы в таком изобилии и такой мощности, что, по-моему, был просто счастлив, да еще когда нас привезли к действующему «маленькому вулканчику». Вместе с тем нам была предоставлена

Рис. 1. Первая студенческая археологическая конференция (1955 г.), споры в перерывах между заседаниями. Н. Праслов слева.

Fig. 1. The 1st Students Archaeological Conference, 1955. Debates between sessions. N. Praslov on the left.

Рис. 2. Американско-советский симпозиум 1989 г. Н. Праслов сомневается...

Fig. 2. Soviet-American Symposium, 1989. N. Praslov doubts...

Рис. 3. Хоккайдо, Сиратаки, 1993 г. Н. Праслов рассматривает разрез.

Fig. 3. Hokkaido, Sirataki, 1993. N. Praslov studies stratigraphy.

Рис. 4. Участники Симпозиума на стоянке Такамори, 1993 г. Н. Праслов слева в нижнем ряду.

Fig. 4. Takamori site, 1993. N. Praslov is on the left in the lower row.

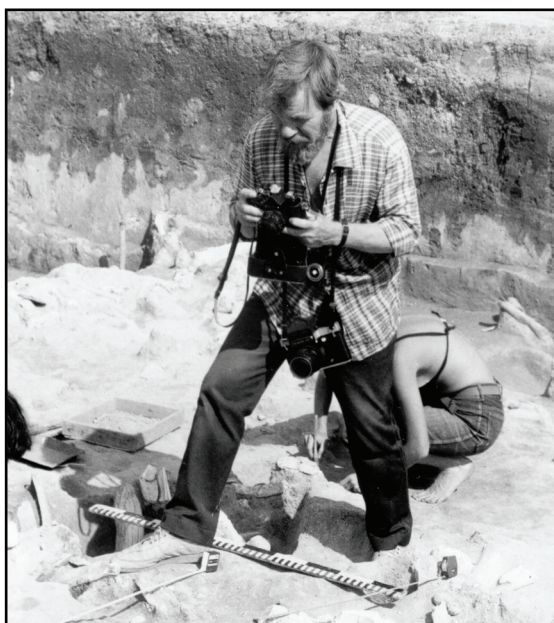

Рис. 5. А что, если в таком ракурсе?

Fig. 5. Choosing the right angle.

возможность просмотреть десятки коллекций разных палеолитических стоянок, и Николай был в восторге, когда в одном из комплексов обнаружил типичный нож костенковского типа!

Надо сказать, что нам показали почти все самое прекрасное в Японии. И теплые озера Имакане, и миниатюрные сади-

ки. Познакомили и с несравненной японской кухней. Особенно запомнился вечер, сотворенный для нас старейшим палеолитчиком Японии профессором Ч. Сэризава (увы, уже покойным). Среди блюд подавалась и живая рыба, и, по-моему, мало кто к ней приотронулся, но Николай Дмитриевич не пропустил этой экзотики (мне это блюдо показалось не столь уж вкусным).

Николай Дмитриевич был очень доволен организацией конференции и хорошей компанией и чувствовал себя удивительно раскованно. Раз мы с ним захотели «подышать свежим воздухом» и выйти на балкон — дело было в гостинице. Вышли, а это оказалась лестница типа пожарной, в общем, спасательная. Дверь за нами закрылась, автоматика, отступать некуда. А он говорит — а пошли-ка вниз. Спустились, конечно, но этажей этак сорок, знаете. Весело.

Николай Дмитриевич много сделал и в науке, и в жизни. Вернее сказать, его жизнь — прежде всего наука. Он мог быть и хорошим другом, и принципиальным оппонентом. Были у него разные увлечения, одно из них — фотография. И то, наверное, для науки. Таскал с собой уйму аппаратуры (рис. 5).

Но одно, мне кажется, было у него главным — нежная любовь к своей маленькой, но всемирно известной родине — к Костенкам, включая, конечно, и первые страницы их истории.

С. Н. Астахов